

Игорь Липин

КАЗАКИ

(роман из жизни современного казачества)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Жизнь современного казачества до сих пор окутана тайной. Казачьи кланы живут в глухой Северной тайге по своим законам, которые могут показаться несведущему читателю дикими и варварскими.

Написанию романа предшествовала большая работа по сбору фактического материала, изучению быта и традиций казаков. Для этого автору пришлось совершить ряд длительных и небезопасных для жизни путешествий по северу континента вместе с караванами торговцев.

Автор выражает надежду на то, что роман поможет читателю лучше познакомиться с жизнью и бытом одной из самых загадочных и малоизученных народностей, живущей на нашей планете.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Снился странный сон про большой, белый изнутри овальный котёл, полный тёплой воды, приятно ласкающей обнажённое тело. Было тепло и сыро... В сознании откуда-то всплыло незнакомое слово, похожее на женское имя: «Ванна...»

Вздвогнув, Митяй проснулся. Ночные видения явственной картиной отпечатались в мозгу, и он ужаснулся. Всем известно, что увидеть себя голым во сне не к добру, а уж если ещё и купающимся — жди беды!

Вскочив с топчана, он выпрямился, насколько это позволял низкий потолок землянки и, вскинув над головой согнутую руку, запел слова молитвы:

— Союз нерушимый,
Республик свободных,
Сплотила навеки великая Русь...

Знакомая с детства мелодия должна отогнать несчастья. Смысла странных слов Митяй не понимал, но верил, что они обязательно принесут фарт и удачу. А удача была ему необходима.

Вчера, атаман Остап, сдвигая кустистые брови и, отводя взгляд в сторону, пробурчал:

— Вот что Димитрий! Хватит тебе на шее у станичного общества сидеть. Ты не женщина штоб из коры кашу варить да грибы собирать. Годков тебе исполнилось уже изрядно, пора детей плодить да мясо в станицу приносить. Вобщем так: день тебе на подготовку, а послезавтра пойдёшь на промысел и хошь пленного живьём пригони — здесь его забьем, хошь мяса приноси. Как уж оно получится у тебя... А вот без добычи не возвращайся!

Сердце от таких слов обмерло. Знал, что скоро отправят его одного на вылазку в испытание — такие уж законы станичные, однако не думал, что это среди глухой зимы случится.

Сказать по правде, Митяй отчаянно боялся испытания. Коварный атаман назначил его в самую тяжёлую пору. Хотя оно и понятно — станица голодала, подъедая последние запасы. Даже взрослые мужики остерегались в такие морозы на промысел выходить. Да и промышлять толку не было никакого — почти всё лесное зверьё откочевало далеко на юг. Дичи в это время в тайге совсем не было. Выход был один — скрытно добраться до становища крысятников и там шукать добычу. Разбойничать... Однако занятие это малопочётное, опасное и в одиночку почти

невыполнимое. Многоэтажки крысодовов очень хорошо укреплены. Круглосуточно дежурят они в оконных проёмах и постоянно ждут нападения со стороны леса. Знают, что в лютые морозы могут оголодать таёжные казаки и, как пить дать, пойдут на них войною...

Расчет Остапа был ясен, как белый день — в эту пору каждая ложка каши и кусок мяса в обществе на счету. Отправляя его на вылазку-испытание, он двух зайцев убивает: избавляется от лишнего рта, а в случае удачи еды в станице прибавится. Только удача навряд ли будет. Почти на верную гибель его отправляет. Потому что Митяй сирота и некому веское слово в его защиту сказать. Обидно!

Ослушаться атамана никак нельзя. Его слово — закон! Не выполнишь задание, то похлёбку будут варить из митяевых костей и мяса. И никто добрым словом не вспомнит его — Митяя Ботаникова. Может только наморщит бородатую харю старый Остап, и, выковыривая мясо из зубов, равнодушно сплюнет: «Тьфу, парнишка-то жилистый и невкусный... Малохольный какой-то был, такой же как его отец...»

А покойного отца Митяй любил. Был он

добрый и очень сильный. Шутя мог на плечах два мешки мяса тащить, да при этом вдобавок на лыжах по снежной целине бегом так бежать, что никто угнаться не мог!

Славился он среди станичников не только силой, но и тем, что по вечерам, возле костровища, где все собирались зимнее время коротать, байки умел сказывать. Байки эти он почему-то непонятым словом «стихи» называл и были они до того складны, что все заслушивались...

Только один был изъян в отце — очки. Потому и прозвали его так странно — Ботаник. Зрение у него шибко худое было, ничего не видел он без двух стёклышек, закреплённых на носу с помощью верёвочек и проволоки. Поэтому и ближнего боя, при своём богатырском сложении, старался избегать. За очки опасался. В шутейных схватках по этой причине тоже никогда не участвовал. А когда в самый неподходящий момент стёкла запотевали и вместо меткой стрельбы приходилось протирать их, ржали над ним станичники во весь голос. Оттого и считался Ботаник никчёмным, ни на что не способным казаком.

Пуще жизни охранял отец свои очки,

доставшиеся ещё от деда, да не уберег. Разбили их в одном из набегов. По глупости, случайно. А новые взять негде. Баяли казаки, что вверх по течению Большой реки есть мастерская, где стёкла для керосиновых ламп отливают. Смогут там, наверное, и очки смастачить. Однако, где это находится и сколько будет стоить такая работа, никто толком не знал...

Неделю пытался отец приспособить себе на глаза линзы от разобранного бинокля, но только ничего не получилось. Плюнул, взял копьё, ушёл ночью на промысел, да так и не вернулся. Сгинул где-то в тайге полуслепой. Плевались от этого казаки — не мог умереть так, чтобы товарищи тризну по-человечески устроили и мясом его полакомились.

А Митяй был втайне рад. Почему-то не очень ему хотелось видеть, как отцовы кости станичники обгладывают¹.

¹ *Каннибализм у лесных казаков широко распространён. Поедание соплеменников сопровождается торжественной тризной, на которой каждый из едоков, обязан произнести застольные тосты восхваляющие поедаемого. Согласно обычаю, кости, оставшиеся после поминального пиршества, собираются и с почестями хоронятся. Примечание автора.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

День перед выходом прошёл в сборах-хлопотах. Первым делом, с утра, побежал Митяй на склад — получить положенные каждому идущему в дело снарягу и сухой паёк.

Большой землянкой, где хранились все общественные запасы, заведовал безногий казак Прохор. Десяток лет назад, раненый в обе ноги, среди зимы приполз он к жилью. Как умудрился выжить — одному только Богу известно, только обезножил начисто. По станичным законам такого калеку должны в расход пустить — был он лишним едоком и обузой для общества. Однако умён и хитер оказался Прохор. На том собрании, где судьба его решалась, обещал, как только от хвори оклемается, наладить такой учет и хранение съестных припасов, что всем поровну доставаться будет и надолго хватит. Поверили ему и стал он складом с припасами заведовать. Надо сказать, не соврал — с тех пор вся добыча и снаряжение, сданные на склад, в особую тетрадку записывались, а кому, что и сколько выдано — строго учитывалось.

Бывало, приходили к нему некоторые с жалобами на то, что их в чем-то обделили. Не

спеша открывал Прохор свои записи и тыкал в них носом недовольных. Указывал, какого дня и месяца, когда и что получали они из очередного вещевого и продуктового довольствия. Уходили тогда посрамлённые станичники, чеша затылок и сетуя на плохую память, а безногий кладовщик хохотал и грозил кулаком им вслед.

Не без робости, зная строгость и крутой нрав кладовщика, отворил Митяй добротную, сделанную из тяжёлых лиственничных плах двойную дверь в Склад. Пахнуло теплом, запахом дёгтя и жареного сала. Прямо возле порога на низеньком столике с обрезанными ножками, над коптящим пламенем жирника, скворчала сковорода с аппетитным жаревом. Рот мгновенно наполнился слюной.

По дощатому настилу, вдоль проходов между стеллажами, резво выкатился безногий кладовщик, журча колёсами-подшипниками и ловко толкаясь коротенькими лыжными палками.

— Здорово казак, — густым басом пророкотал он:

— Знаю, знаю, на дело отправил тебя Остап... Эх, мать ево ити! Ладно, делать нечего, слово атаманское — закон. Ты как раз вовремя зашёл. Счас жарёхой тебя угощу. Садись рядышком.

Небось подумал, что общественный продукт польую? Не, это я пару крыс забил. Я для себя всегда десяток-другой держу. Люблю свежатиной побаловаться... А без ног мне только и осталось, что крыс разводить.

Балагурия, Прохор пододвинул Митяю сковороду:

— Ешь всё, мне сегодня чо-то не хочется. Да, сынок, тяжеленькое тебе испытание досталось. Только ты не дрейфь раньше времени. Бог не выдаст — крыса не съест! Да ты жуй, жуй! Оставлять ничего не надо. У меня от жареного мяса завсегда изжога бывает. А с твоим батяней не раз я в дело ходил. Знатный казачина был! Головастый! Уж сколько хитростей военных мы с ним напридумывали... Всех и не упомянуть. Оно вишь, дело какое получается — хитрость только один раз использовать можно. Дважды повторённая хитрость уже глупостью оборачивается.

— Слухай сюды, — Прохор почти вплотную приблизил заросшее почти до самых бровей бородатое лицо и, обдавая запахом грибной настойки, заговорщицки зашептал:

— Чуелку заячью я тебе дам. Сам соорудил.

А третьего дня в аккурат пурга начнётся! Это я тебе верняк говорю, к гадалке не ходи. Костями чую! Ох, и ноют же проклятушие! В самую пургу зайдёшь к домам с наветренной стороны и в шагах трёхстах в ямку заляжешь. Сверху плёнкой-серебрянкой укроешься — я тебе её, так и быть, выдам. Снегом тебя должно полностью занести. А под конец пурги чучелку наверх положишь и будешь палочкой осторожно шевелить — будто зайчишко раненый издыхает. Самое главное, когда под снегом лежать будешь, не шевелись и пар от дыхания под себя через трубочку выпускай. Он, пар-то, скорее всего выдать может. Упаси Бог, тебе себя обнаружить...

А городской житель дурной. Ему невдомёк будет, что в эту пору зайцев-то в тайге нету. В момент кто-нибудь прибежит за дармовой дичиной. Вот тут-то ты и не зевай. Всё от ловкости твоей зависеть будет. Глуши его, и бегом в лес. Да только не на плечах тащи, а за руки на спине волочи — оно так хоть и неудобнее будет, зато понадёжнее — от выстрела в спину прикроет. Чучелку бросить можешь, а вот плёночку-то прихвати — она общественным имуществом будет, шибко дорого стоит...

Сковорода быстро опустела. Митяй тщательно вымакал пальцами жир и облизал их. Косточки и

крохотные клыкастые черепушки, которые не смог разжевать, аккуратно сложил кучкой на столе. Они, в муку перемолотые, ещё на суп пригодятся.

Кряхтя, Прохор укатил в полумрак складской землянки и, неожиданно ловко перебирая мощными руками по стояку стеллажа, вместе с тележкой взметнулся наверх. Оттуда посыпались какие-то свёрточки и мешочки. Вслед за ними, головой вниз, слетел безногий кладовщик и пружинисто приземлился на руки. Заметив восхищённый взгляд Митяя, подмигнул и довольно заржал:

— Вот видишь как без ног-то оно и сподручнее на складе жить. В тесноте легче управляться! Нет худа без добра!

Придирчиво осматривая каждый кусок, Прохор выдал сухой паёк: пара лепёшек из сосновой коры², две горсти сушёного оленьего

² В пищу употребляется не сама кора, а так называемая «заболонь» — светлый подкорковый слой, находящийся между корой и древесиной. Эти волокна высушивают и толкут в порошок, из которого, собственно, и делается выпечка. Такие лепёшки могут храниться неограниченно долго и служат чем-то вроде мелкой разменной монеты. Употреблять их в пищу считается роскошью. Примечание автора.

мяса перетёртого в мелкую крошку, и приличный, в ладонь шириной, шмат медвежьего сала. Скрупулезно записал всё в тетрадь из берестяных листов, аккуратно переплетённых между двумя листовыми дощечками. Со стуком захлопнул деревянные корочки-обложки с корявой надписью на них: «Амбарная книга складского хозяйства станицы Новонисейской». Когда Митяй уложил всё в свой рюкзак, кладовщик гмыкнул, почесал в голове и, ни слова не говоря, проворно укатил в сумрак одного из закутков землянки. Не прошло и минуты, как Прохор вновь появился на свету. В руке у него извивалась и пищала большая серая крыса, которую он крепко сжимал за шею соединёнными в кольцо большим и указательным пальцами. Не в силах вырваться, животное судорожно махало в воздухе лапками и хлестало воздух серо-розовым лысым хвостом.

— Это тебе, от меня лично, — он ловко скрутил крысе голову и протянул дергающее агонизирующее тельце Митяю.

— Ты шкурку-то прям сейчас с неё обдери, пока тёпленькая. А мясо заморозь да себе в дорогу стружкой настрогай — в дальнем пути самое милое дело силы строганинкой поддержать. А вот тебе ещё подарочек, мне это уже вроде как и ни к чему... — ухмыльнувшись, Прохор достал из

мешки что-то тряпчатое. Приняв мягкий свёрток Митяй развернул его и диву дался. Он держал в руках толстые тёплые кальсоны, а в придачу к ним новенькие трикотажные плавки. Это был шикарный подарок!

С исподним бельём у станичников постоянно была напряжёнка. У многих мужиков, конечно же, были старые латаные-перелатанные трусы, которые одевались только в дальние походы и на вылазки. На постоянку большинство обходилось без всякого нижнего белья, заменяя его пучками сухой травы засунутой в кожаные штаны или присыпая себе в паху древесной трухой. Только не всегда это помогало. Хорошие трусы ничем не заменишь. Частенько многие до такой степени растирали себе междуножье, что потом совсем не могли ходить. По нескольку дней пластом лежали в раскорячку. Бывали случаи что и умирали от этого.

Надеть в дело почти новые кальсоны было не только пределом мечтаний, но и доброй приметой, сулившей успех.³

³ Среди казаков необычайно развиты различные суеверия. Так, например, считается что если, идя на охоту или в вылазку, надеть чистой нижнее белье, то удача будет обязательно. Примечание автора.

У Митяя запершило в горле. Не в силах выговорить слова благодарности, бухнулся он на колени перед кладовщиком и, коснувшись лбом грязных досок, замер в таком положении. Это было наивысшим выражением благодарности, принятом в отношениях только между близкими и родными людьми.

— Да ладно, ладно, будет тебе... — неожиданно срывающимся голосом проговорил Прохор, неловко пытаясь приподнять голову подростка и глядя его по волосам.

— Вот вернёшься с задания, поговорю с атаманом, чтоб я тебе вместо батьки был. Будем вместе жить... Люб ты мне... на отца своего дюже похож...

— Тока потом это всё будет, а сейчас давай-ко дела закончим, — он поспешно отвернулся, откатился к столику, раскрыл записи и сухим тоном продолжил:

— Так, тебе из снаряги можно получить: палатку брезентовую, топор, котелок, верёвка в шестьдесят локтей длиной и компас. Ну, плёнку-серебрянку ещё дам, в виде исключения. Вот и всё. Что брать-то будешь?

От всего перечисленного Митяй отказался. Палатка в одиночной вылазке совсем не нужна — через пару дней обледенеет и будет неподъёмной; топорик у него свой есть, острый, звонкий, с удобной рукоятью — не чета общественному колуну; котелок вообще насмешка — варить-то нечего; верёвка и компас тоже ни к чему. Правда, насчет компаса засомневался — может, зря не берёт? Взрослые мужики говорили, что по компасу идти по тайге не в пример лучше и точнее получается. Только ведь ответственность огромная — всего три компаса было на всю станицу. Потерявшего или повредившего этот хрупкий прибор ждала казнь на месте. Поэтому и остерегалась молодёжь брать его в вылазки. Ладно, как-нибудь обойдётся — зря что ли их на курсовой подготовке учили ориентироваться по звездам да и по другим приметам. Авось не заблудится...

А вот плёнка-серебрянка — вещь изумительная. Её брать обязательно надо! Из неё легко можно экран теплоотражательный возле костра соорудить или, просто завернувшись в неё, спать на снегу. При всём том она была очень лёгкой, почти невесомой. Один только недостаток: уж очень непрочная, обращения бережного требовала — легко рвалась и хрупкой становилась на морозе. Про себя решил Митяй: если выживет

после первого своего испытания, то на первой же Ярмарке купит себе такую плёнку — чего бы она ему не стоила...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вечером, с сожалением повертел в руках Митяй прибор ночного видения и отложил в сторону. Без аккумуляторов он бесполезен. Таким же бесполезным был и старый карабин оставшийся после смерти отца — патроны ещё дороже батареек!

С тоской достал Митяй арбалет с плохонькой деревянной дугой, поставил новую тетиву, долго точил ржавые наконечники стрел-болтов. Потом подштопал ветхий маскхалат из ткани, которая почему-то называлась «парашютной» и тщательно осмотрел крепления лыж. Любой казак знает, что лыжи — это самая главная часть снаряжения. Верная гибель будет, если они подведут. В глубоком снегу человек просто утонет, не в силах передвигаться. А уж от погони и подавно не уйти!

Лыжи у него были знатные. Старинные, ещё от деда достались. Вся станица завидовала. Скользящая поверхность из тёмного просмоленного дерева с металлической окантовкой по бокам.

Сверху, на почти стёршейся лаковой поверхности, читалась загадочная надпись: «Бескид- Мукачево». Скорее всего, это было какое-то старинное заклинание, приносящее удачу охотникам. Лыжи были на удивление прочные и вместе с тем лёгкие. На них одинаково хорошо скользить и по плотному весеннему насту и тропить лыжню по снежному пухляку...

Достал из чехла нож. Внимательно осмотрел лезвие. Вроде в нормальном состоянии, но подточить лишний раз не мешает. Некоторые поширкают по ножу любимым наждачным камнем и считают что всё готово. Не, нож точить — это целая наука! А науку эту ему отец преподавал. Лучше него в станице никто не мог режущий инструмент вострить. Хитростей хватало: начиная от того, как руку держать при заточке и заканчивая тем, на какой полоске кожи бритвенную остроту задавать. Сначала надо на крупнозернистом наждаке под нужным углом обновить режущую кромку. Потом, постоянно смачивая водой, доводить на мелком оселке. А в конце наострить на мыльном камне и о кожаный ремешок пошоркать. Остроту проверить легко. Волосок из головы вырвал и на весу рубанул по нему ножом. Если волос не перерезался — точи снова! Всё заново повторять надо...

Пошарив по полке, нашёл пылившийся там свинцовый кастет. Отец давно собирался из него пули отлить, да только без надобности было. Когда пороха и капсюлей нету, то пули-то вроде как и не нужны.

Митяй примерил кастет на руку. Оружие это, конечно, было никчёмное. В ближнем бою нож всегда лучше, но сейчас в запланированном деле кастет мог очень даже хорошо пригодиться. По задумке, подсказанной хитроумным Прохором, собирался он только оглушить свою жертву, чтобы потом не тащить на плечах, а на своих ногах гнать по лесу.

Вот вроде бы и готово всё в путь. Старенький рюкзачок собран и застегнут на все пряжки. Лыжи, натёртые дегтярной мазью, у порога стоят. Колчан, с короткими арбалетными стрелами, перед выходом через плечо повесит. В дороге он в одной руке арбалет будет нести, а в другой лыжную палку держать. За два дня, на третий должен он будет добежать до Старого Города. Ну а там как Бог даст...

Подкинув в печь побольше дров, Митяй лёг спать. Перед дальней дорогой по замороженной насквозь тайге, надо обязательно выспаться в тепле.

Это тот самый случай, когда можно не экономить дрова. Старенький, бережно хранимый будильник поставил на пять часов утра.

Поворочавшись на жёстком топчане без сна, понял, что не сможет уснуть.

Засветил лучину от тлеющей в углу лампадки, наугад достал с полки стоящую с краю книгу — толстую стопу берестяных листов, зашитые между двух деревянных дощечек.

Ещё в детстве отец научил Митяя забавному занятию: при помощи букв складывать звуки в знакомые слова и записывать их на бересте. Это было похоже на чудо. Молчаливые берестяные листы начинали беззвучно рассказывать совершенно необычные истории. Неизвестное прошлое становилось явью. То, что уже почти всеми станичниками забылось навсегда, навечно оставалось в книгах! Листая старые, сделанные ещё дедом и отцом записи, узнавались удивительные истории. С благоговением открыл Митяй первую страницу и вновь стал вчитываться в знакомые строки:

«Хроника первая.

0072 год после Большого Взрыва.

Новейшая история казачьего общества, записанная вольным казаком Степаном Ботаником сыном Сергея Клещенога.

* * *

Когда-то давно все люди жили вместе и не делились на кланы. Еды, одежды и припасов хватало всем. Однако, в 0001 году случился Большой Взрыв. С этого времени начался отсчёт нашего времени. Тогда солнца вдруг не стало видно и всё погрузилось в непроглядную ночь. С неба непрерывно падал пепел и снег.

Те, кто даже издалека видели и слышали Взрыв, долго не прожили. С них кожа стала сползать живьем, загорая дурно пахнущее и гноящееся мясо. В таком виде, полуслепые и искалеченные, они приползли зимой с материка. Рассказывали страшные вещи. На самом деле, Больших Взрывов было много. Их прогремело больше сотни в течении нескольких дней. После жуткого грохота, от которого кровь текла из ушей, огненный смерч пронёсся высоко над головами, а встречный ураган, стелющийся по земле, крушил дома до основания и нёс живых людей в жуткое пекло, где всё превращалось в пар и пепел. Чудом выжившие люди умирали в страшных муках от

ожогов. Те, кто не попал под ураган, начинали болеть смертельными болезнями, от которых не помогали никакие лекарства и снадобья.

Все склады с припасами и едой сгорели под Взрывом. Среди людей начался великий голод. Обезумевший брат шёл на брата, отец на сына, а матери душили своих детей. Убитых поедали прямо на месте без молитвы, тризны и тостов. Это было страшное время тьмы, безверия и всеобщей злобы.

Всё в этой жизни проходит. Прошла и Тьма, получившая название — Самая Долгая Ночь.

Сколько она длилась, никто не знает — может несколько недель, а может много месяцев.

С появлением коротких тусклых рассветов стали вновь чередоваться дни и ночи. Это было первым признаком возрождающейся жизни.

Климат начал сильно меняться. Зимой от морозов трескались деревья, а летом без остановки лили дожди. Южный ветер стал приносить с собой тучи пепла, окрашивающий снег в черный цвет. Звери и дичь на зиму исчезали. С октября по май в тайге не было никакой живности. Когда наступало лето, в лесах стали вырастать огромные, в три локтя высотой, грибы и появились гигантские комары,

способные за раз выпить из живого человека до пригоршни крови. Неизвестно откуда набегали полчища тараканов величиной с подошву сапога. После них оставались в лесу широкие просеки мертвых стволов, обглоданных до самой древесины. Спасти от этих тварей можно было только бегством — они пожирала на своём пути всё живое. Из-за того, что в морозы реки и озёра промерзали до дна, рыбы совсем не стало. Однако весной, с первыми потоками мутной воды, пробивавшей себе путь по вечному льду, наполнившему русла бывших рек, стали заплывать невиданные мохнатые крокодилы, густо поросшие рыжим ворсом.

Шло время, а голод продолжался. Люди, вместо того чтобы думать о том, как выжить, продолжали воевать и охотиться друг на друга. Первыми опомнились казаки. Под руководством атаманов они ушли жить в леса, где основали станицы, защищённые от зверья и врагов высоким частоколом. Прошёл не один десяток лет, прежде чем казаки освоили охоту на диких крыс, научились впрок заготавливать грибы, сушить тараканов и сачками ловить комаров.⁴ Прокормиться в лесу

⁴ *Высушенных насекомых толкут в порошок, из которого варится похлёбка или каша. Это почему-то считается пищей*